

ТЕРЕМНЫЕ ЗАТВОРНИЦЫ: ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

ТЕКСТ: ЛАРИСА КУЧЕРОВА

Издrevле лад в семье зависел от женщины. «С доброй женой горе – полгоря, а радость – вдвойне», – говорили встарь. И были, в общем-то, правы. Мы задавали и задаём настроение в доме. Несём позитивное, светлое, радостное. Любовь, добро и свет. Задаём тот самый здоровый образ жизни, который приносит домочадцам счастье и успех.

Однако времени на домашние хлопоты год от года приходится всё меньше: деловая активность слабого пола становится всё заметнее. Легко и непринужденно мы, женщины, отвоёвываем у мужчин место под солнцем в различных сферах жизнедеятельности. В армии и бизнесе, в науке и политике – везде можно встретить деловых прелестниц. Потеснили мы мужичков, потеснили. И вполне комфортно чувствуем себя при этом.

Ушли в далёкое прошлое тихие и смиренные жёны, чьи интересы ограничивались только лишь домом, чтящие мужа «аки господина» и готовые предугадать любое его желание. Канули. Растворились.

Естественно, что столь стремительное распространение женского влияния нередко встречает протест у сильной половины человечества. Ещё бы! Кому ж приятно, когда мягкое, тёплое и пушистое создание вдруг начинает «мнить из себя нечто». Страх забывает. От рук отбивается.

Одним словом – непорядок! Сплошное безобразие, я бы сказала.

С тоской обращают славные мужи взоры в далёкое прошлое, когда женщине отводилась роль безмолвной хранительницы домашнего очага. И тогда роль эта их вполне устраивала.

Но так ли безропотно и однообразно протекала жизнь славянских женщин в древние, окутанные туманами веков времена?

ДОВРЫ І ПОКОРЛИВЫ?

Отнюдь! Образ «добры і покорлівы» супругі прыйшоў на Русь толькі разам з хрысціянствам, а патрыархальная ўлада мужчын у доме, столь дарагая сэрцам вызначанай часткі нашых сучаснікаў, была заканадаўча замацавана і асвясцана царквою толькі ў XVI стагоддзі.

Неслучайна ў летапісах XII–XIV стагоддзяў, якія донеслі да нас адголоскі прошлага, можна прачытаць буквальна наступнае: «Не лішайце сябе саветы і ўрады сваіх... усё творыце па слову з жэнамі сваімі». К мненню жанчын прыслушваліся!

Подобнае ўмозаклучэнне родзілася не на пустым месце. Образаваныя жанчыны ў знатных сям'ях лічыліся ў Древней Русі, на тэрыторыі якой жылі нашы далёкія продкі, спрадчатым. Чога не скажэш о Заходняй Еўропе: просвешчанай ёй яшчэ толькі прадсталяло стаць. А тагда... Тады мы ў плане просвешчання ўвогуле і жанскага ў частнасці знаходзіліся занадта ўсперад.

Дачка Яраслава Мудрага Анна, став женой французскага караля Генрыха I, памімо рускай граматы, ў сапраўды владэла латынью, на якой гаварылі і пісалі ўсе невялікалічэбнае абразаванае еўрапейскае грамадства. Гэта дазволіла ёй не толькі падпісваць дакументы, але і вядзе актыўную перапіску з умнейшымі людзьмі свайго часу.

К слову, ёй супруг, кароль Францыі, так і не змог асвоіць усе хітросплетення французскай граматыкі і пры падпісанні дакументаў абмяжоўваўся начертаннем... крыжа. Не замарачываўся, адным словам. Чарціў толькі такія ж крыжыкі, якія і многія стагоддзі пазней ставілі ў дакументах неграмотныя сяляне Калужскай ці Вятскай губерняў. Хто б мог падумаць, што ў той момант яны уподобляліся французскаму манарху?!

ЖЕЛЕЗНОЙ ДЛАНЬЮ

Кіеўскія летапісы донеслі да нас історию о руском посольстве в Константинополь в 954 году. Его возглавляла княгиня Ольга. Помимо неё в том посольстве участвовали шесть родственников княгини и 18 приближённых к ней женщин. Замечу, без мужей. Мужья в это время на хозяйстве остались. Дома сидели, в окошко поглядывали и кручинились в ожидании благоверных... А в 1089 году внучка Ярослава Мудрого, дочь великого киевского князя Всеволода Анна возглавила посольство в Византию за новым митрополитом Иоанном.

Кстати, об Ольге. Та ещё была дамочка. Это её мужа, легендарного князя Игоря, порешили древляне. Порешили, по большому счёту, за дело. Собрал князь положенную дань (отмечу, отданную древлянами, согласно взаимной договорённости, в полном объёме), а потом беспредельничать начал. Решил, что, коли так легко отдают добро, знать, оно не последнее. Вернулся – и давай ещё дань требовать. Сверх положенного...

Однако жадность до добра не доводит. Ей что фраеров губить, что князей – всё едино... Древляне возмутились. Посидели рядком, почесали затылки. Что-то там насчёт волка подумали, который колы жу поведётся ягнят душить – не отвадишь.

Обиделись древляне. И решили того «волка» извести. Дружину княжескую перебили. Делов-то: князь з сабой атрад невялікай узяў. Не воеваць шёл – дань сабраць. А самаго князюшку прывязалі за ногі к двум сгнутым берэзам да і адпусцілі з мірам... тэ дэравца. Сурова абодзіліся, но справядліва.

Опомніліся яны потым, да поздна... Дзела зробана, князя не вернёш. Рэшылі к Ольге пасольства адправіць з ізаўіненнямі да дарамаі. Мол, не сэрчай на нас, душа-княгінюшка, но Ігорь сам быў вінават. А мы тебе свайго князя взамен убіеннаго ў мужьа аддадзім. Ладнога і статнога.

Однак Ольга не вяняла тым рэчам. Асэрчала яна на дрэвлян не па-дзетскі. Да так прогневалася, што і летапісцы са страху сталі путацца ў паказаннях... Адна баялі, што паслов тых з пачётм ў ладью большую пасадзілі, на руках ту ладью во двор внеслі, а потым ў яму, спецыяльна па случаю выкопанную, бросілі. Закапалі гора-сватов жывём.

Другіе жэ сведчальствавалі іначэ: будыто бы сватов з дарогі ў баньку папа-рыцца прыгласілі. Тэ разамлелі, абра-даваліся, што зря страх тэрпелі. Рану абра-даваліся. Як толькі вошлі яны ў баню, дзвері з вонешняй староны падпёрлі, хворостом абложылі і падожглі. Сожглі за-жы-во паслов-то!.. А Ольга сама за ўсім гэтым ліходействам наблідала. Слушала крыкі молячых о памоцы людзей. Страшныя крыкі, нечелавеческія. Толькі сэрца ёй глухо было к молябам. Акаменела сэрца.

А потым Ольга пошла к столице дрэвлян з войскам – немалым, ібо караць шла. Воздаваць за гібель мужа. Акружыла кольцом дрэвлянскі горад і прыказала з кожнаго

двора прынесьці ёй па птуцы ў якасстве дані павіннай.

І зноў варадаваліся дрэвляне. І апаць рано. Ібо к кожнай птуцы прывязала княгіня гарачую паклю – і адпусціла з мірам. Полетелі божы птахи абратна ў сваі дворы да і спалілі горад. А тых, хто пятаўся вырвацца із агна, ізрубілі безжалостно мечамі. І старых, і малых. Всех без разбора... А не надо жанчыну гневіць – дажэ неэмансіпіраванную. Не надо!..

МАТРИАРХАТ ПОНЕВОЛЕ

Історычэскі прымер з Ольгай свідчальствауе о тм, што прадстаўіельніцы прэкраснай паловіны чалавечэства, дажэ став вдовамаі, не утрачывалі возмозможнаі распаражацца судьбай. В піку Заходняй Еўропе: там жанчыны пасле смерці мужа поўнасьцю пападаілі пад ўладу родствеников-опекунов. А нормы дрэвнерусскаго права гарантавалі вдовам, еслі яны не выходілі замуж, не толькі поўнаправнае наслэдаванне імущэства, но і сацыянальны функцыі отошэдэго ў мір іной супруга. Многіе князья ў духоўных заващаніях спецыяльна оговарывалі: пасле іх смерці главай госудаства должна стаць імянна княгіня. Коротко і ясно.

Яркіі след ў історыі Русі XII стагоддзя аста-віл і так называемы полацкіі матріархат. Там ў сілу сложывшыхся політычэскіх абстаўтэств імянна жанчыны былі вынуждены пачы два дэсятка лет несі нелёгкае брэмя – падвызатца ў рабае верховнаго правлэння. Пока старшыя члны полацкай дынастыі знаходіліся ў ссылке, ў рукаводстве Полоцком актывно ўчаствоваілі княгіні. І дэлаі яны гэто вэсьма ўспэшно. Аднай із ных была Евфросінія Полоцкая.

І монастырскія сьтны не служылі прэградай для актывнай, як сказалі бы сегод-ня, грамадзяна-політычэскай жыцця. По мере надобнаі Евфросінія рассылала ў разлічныя горады Русі і, вераітна, ў Константинополь важныя дакументы, скрепляя іх лічнай пэчатю. Большэ того, некотарыя історыкі прэдаполагаюць, што так жэ пэступала ёй маць. К сожалеіню, свідэтэствэ о ней ў історыі не сохранилось, но еслі судыць па дачэры, та жанчына явна была незауряднай.

НОЧНАЯ КУКУШКА ИЛИ МЫШЬ?

Не последнюю роль іграілі жанчыны і ў княжэскіх усобацах. Не вэгда гэта роль была завіднай. Чогу уж грэха таіць, нерэ-дко княгіні науськывалі мужей на худое дэло. Подначывалі. Подстрэкаілі. Понятно жэ, што ночная кукушка днёвную вэгда перекукуе-то.

Вот і адна із дошэдшых да нашых днёй летапісэй явна і недвусмысленно свідэтэствуе, што ў 1180 году чэрніговскіі князь Святослав Всеволодовыч імянна па савету дражайшэй супругініцы начал войну з князем смоленскім Давыдам Рос-тиславовычэм. Подкаблучнык гэтакіі...

Ходыць ў госты жанчынам без супруга тагда не дазвалялось, зато яны былі

равноправными участницами праздничных пиров. Позднее, правда, женскую свободу поубавили. В Московском царстве вплоть до Петра I дамам на пиры путь был заказан... Печально известные оргии, устраиваемые Иваном Грозным, в расчёт не берём. В знаменитой Грановитой палате Московского Кремля, где русские цари принимали иноземных послов и устраивали пиры со своими боярами, под потолком внутренней стены имелось небольшое оконце, через которое царица с приближёнными боярынями могла наблюдать за весельем. Одним глазком. Точно мышь из-под веника.

РАТНОЕ ПОПРИЩЕ

И в ратном деле славянские женщины оставили заметный след. Далеко за примерами ходить не будем: возьмём нашу землячку, княгиню Анастасию Слуцкую. Искусная воительница, расчётливая хозяйка и прекрасная мать!.. Овдовев, она умело управляла городом, а в случае военной необходимости грамотно возглавляла его оборону. Взвалила на себя груз нелёгкий – и понесла.

С виду слабая, не лишённая красоты и изящества, женщина прекрасно владела оружием. А мечи в те времена были, так сказать, игрушками не из лёгких. Не для хлюпиков они создавались.

Ни разу Анастасия не была ранена, хотя нередко наравне с мужчинами рубилась в жестокой сече. Рубилась мастерски, со знанием дела. Она настолько хорошо освоила

тактику и стратегию средневекового боя, что за всё время её княжения нога захватчика ни разу не топтала улицы Слуцка.

А время-то было смутное. В начале XVI века Слуцк, находившийся на пересечении торговых путей, был желанной добычей для многих. Как для соседей, так и для многочисленных татарских полчищ.

Богатые земли Великого княжества Литовского привлекали крымских татар. Быстрые грабительские набеги крымчаков оставляли после себя пепелища... Однако Слуцк Анастасии оказался им не по зубам.

ЗЛЫЕ И ДОБРЫЕ

...А вот с распространением христианства языческая воляница женщин пришлась не ко двору. Отцы церкви начали закручивать гайки. Загонять отбившихся от рук дам в терема, под власть и опеку мужа. Процесс этот затянулся на несколько веков.

Ну не желали женщины сидеть, уподобившись клушам, в теремах!.. Однако и отцы церкви не собирались отступать. Неслучайно в церковных источниках XIV века мы встречаем недвусмысленные наставления, которые и сегодня изливаются на израненные мужские души целительным бальзамом: «Не супротивляйтесь, жёны, мужем своим, но во всём покоряйтесь им и повинуйтеся, жёны, мужние воли». А мужьям церковники настоятельно советовали «не дай на тя жене глаголити и не допусти еи воли на силу твою наступати».

Существовало множество запретов в отношении дамского поведения. Что-то

из них и сегодня будет кому-то полезно, например, «пьянство жён отлучает от мужь». Иные вызовут у современников лишь снисходительную улыбку: «ногу на ногу возложить есть грех»...

Естественно, что роль теремных затворниц устраивала далеко не всех женщин. Кто бы сомневался! Потому во многих письменных памятниках древности дошли до нас упоминания о «злых» и «добрых» жёнах.

С «добрыми» было всё понятно. Тихие они, смиренные, кроткие, послушные, трудолюбивые. Рот на замке, глаза долу. «Не красивы, но умом светлы».

«Злыми» же церковные наставления окрестили не только тех, кто «прелюбодейны и упьянчивы» (это и в наши дни не приветствуется!), «прозябают в праздности», «мажутя и красятя паче меры», но и тех, кто «имеет дерзновение глаголити имати», «без мужей мнятся нечто», «никого не усумнятся», но «все корят, вся осуждают и вся хулят». Ужас, а не женщины. Именно в таких и была «велика пакость».

Кстати, в тех же наставлениях припечатывали и «злых» мужей. Тех, которые «потаковники лениости жены своей» и «аще, кто есть женою обладаем».

Стоит заметить, что упоминание о «злых» жёнах встречалось в те времена довольно часто. Это было явление не совсем удобное, но довольно обычное.

Так что ныне мы, женщины, вовсе не отбились от рук, а просто вернули старые традиции, на некоторое время затерявшиеся в веках.

